

КОНФЛИКТЫ И КРИЗИСЫ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

В.И. Бартнев*

ДИАЛОГ С «ГОСУДАРСТВАМИ-ИЗГОЯМИ» КАК КОМПОНЕНТ СТРАТЕГИИ «ОБНОВЛЕНИЯ АМЕРИКАНСКОГО ЛИДЕРСТВА»: РИТОРИКА И ПРАКТИКА АДМИНИСТРАЦИИ Б. ОБАМЫ¹

Вторая часть статьи посвящена изучению поставленного администрацией Б. Обамы эксперимента по вовлечению в диалог «враждебных режимов» на примере отдельных стран: Ирана, Сирии и Кубы. Задачами статьи являются анализ различий в целях и средствах политики «вовлечения» на каждом из трех направлений, оценка результатов эксперимента и их объяснение.

Ключевые слова: администрация Б. Обамы, «государства-изгои», вовлечение, сдерживание, стимулы, санкции, Иран, Сирия, Куба.

The second part of the article contains a detailed overview of Obama administration's experiment of engaging the adversary regimes, such as Iran, Syria and Cuba. It defines the set of goals and means of engagement policy towards each of three countries, assesses and explains the results of this experiment.

Keywords: Obama administration, rogue states, engagement, containment, positive inducements, sanctions, Iran, Syria, Cuba.

Первым «государством-изгоем», к которому администрация Б. Обамы обратилась с предложением вступить в конструктивный диалог, была **Исламская Республика Иран**. 27 января 2009 г. в интервью каналу «Аль-Арабия» Б. Обама дословно повторил озвученный им в инаугурационной речи призыв «разжать кулак и встретить протянутую Соединенными Штатами руку» и адресовал его напрямую иранскому руководству [16]. Президент особо подчеркнул важность поиска взаимопонимания между двумя странами и пообещал в течение нескольких месяцев разработать соответствующую стратегию.

---

* *Бартнев Владимир Игоревич*, к.и.н., доцент кафедры истории международных отношений и мировой политики факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: vladimir.bartnev@fmp.msu.ru).

¹ *Окончание*. Начало см.: Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2010. № 3. С. 117—144.

В действительности контуры этой стратегии были уже определены: иранская политика администрации Б. Обамы изначально была двухвекторной и сочетала в себе элементы как «вовлечения», так и «сдерживания». В публичной политике, по мнению стратегов в Белом доме, должен был преобладать первый вектор, подразумевавший демонстрацию искренней заинтересованности в нормализации отношений с режимом в Тегеране при условии его добровольного отказа от девиантного поведения. Целью же закулисной дипломатии оставалось укрепление периметра «сдерживания» — обеспечение благожелательной позиции союзников США, а также Китая и России по вопросу об усилении давления на Тегеран на тот случай, если Иран не проявит интереса к диалогу.

Иными словами, «вовлечение» было призвано не столько изменить модус поведения Ирана на международной арене, сколько повысить эффективность «сдерживания» — создать такие условия, в которых отказ Тегерана «разжать кулак» можно было представить как однозначное доказательство военного характера иранской ядерной программы и повысить тем самым шансы на успех в переговорах с Брюсселем, Москвой и Пекином об ужесточении санкций. Впрочем, возможность того, что позитивные сигналы со стороны Белого дома могут быть восприняты в Тегеране, не исключалась полностью, и потому выстраиванию нового дискурса уделялось большое внимание. Основной груз ответственности ложился на самого президента США, который должен был извлечь максимум из положительной реакции в Иране на его победу на выборах и выступить в роли главного коммуникатора с четким «посланием» к руководству ИРИ.

Президент подошел к выполнению этой сложной миссии очень изобретательно, обратившись 20 марта 2010 г., в день празднования Персидского Нового года (праздника начала весны Навруз), с символическим видеообращением «к народу и властям Ирана» [22]. Показательным было уже то, что Б. Обама обращался не только к иранскому народу, но и к руководству страны и использовал ее официальное название — Исламская Республика Иран. Тем самым он демонстрировал свою готовность осуществить разрыв с практикой администрации Дж. Буша-мл., которая всегда стремилась подчеркнуть «антинародный» характер режима в Тегеране.

Видеообращение также было насыщено элементами, которые должны были создать новый имидж Америки, готовой к «диалогу цивилизаций» на принципах взаимного уважения. Так, например, Б. Обама заявлял: «США хотят, чтобы Исламская Республика Иран заняла **подобающее** место в мировом сообществе. Оружие и террор не помогут достичь этого результата, к нему приведут только

мирные инициативы, **демонстрирующие истинное величие иранского народа и его цивилизации**». В подтверждение последнего тезиса видеообращение содержало строчку из стихотворения персидского поэта Саади и завершалось фразой на фарси [22]. Послание, таким образом, было продумано до мелочей. Открывая диалог с Ираном, президент США пытался в прямом и переносном смысле разговаривать с враждебным государством на его языке.

Смелый PR-ход Б. Обамы был воспринят в Тегеране скептически. Аятолла Хаменеи в ответ на поздравление заявил, что пока не видит изменений в политике США и что для вовлечения Ирана в переговоры Вашингтону необходимо продемонстрировать заинтересованность во взаимных уступках, а не в «обмане или устрашении» [10].

Несмотря на отсутствие позитивной реакции со стороны руководства ИРИ, администрация Б. Обамы продолжила предпринимать «дружественные» шаги. Так, например, Белый дом пригласил Иран к участию в конференции по Афганистану в Гааге; ослабил ограничения на встречи американских дипломатов с иранскими коллегами на международных форумах и дал разрешение посольствам США приглашать иранских дипломатов на праздничные мероприятия, посвященные Дню независимости [12, р. 44]. Большое символическое значение имело и признание Б. Обамой в каирской речи причастности США к свержению правительства М. Моссадыка в 1953 г. [24]. Тем самым американский президент не только признавал обоснованность претензий иранского народа к США, но и подчеркивал, насколько чужда ему идеология «смены режимов».

Показательно, что администрация Б. Обамы вообще старалась не делать каких-либо заявлений, которые можно было расценить как вмешательство во внутренние дела Ирана. Белый дом сознательно замалчивал тему нарушения прав человека в ИРИ, навлекая на себя шквал критики со стороны республиканцев и правозащитных организаций. Отсутствовали в риторике новой администрации и другие элементы стигматизации Ирана, такие как обвинения в оказании поддержки движениям «ХАМАС» и «Хезболла», а также повстанческим формированиям в Ираке и Афганистане. Не выступал Белый дом и с прямыми угрозами применения силы против Ирана и старался не акцентировать внимание на тех действиях, которые будут предприняты, если «вовлечение» не принесет желаемых результатов. Эта тема обсуждалась очень осторожно и в рамках многостороннего диалога по «иранской проблеме» в формате П5+1.

Между тем публичная дипломатия была, по сути, лишь верхушкой айсберга. Согласно одному из секретных документов, раз-

мешенных на сайте Wikileaks, 3 марта 2009 г., т.е. еще до обращения Б. Обамы к «народу и властям Ирана», состоялся специальный визит в Брюссель заместителя министра финансов США по проблемам борьбы с финансированием терроризма и финансовыми преступлениями Д. Глэйзера. Целью данного визита было проведение секретного брифинга с 70 экспертами по Ближнему Востоку и ядерному нераспространению из стран-членов ЕС, посвященного «иранской проблеме». В ходе обсуждения Д. Глэйзер заверил аудиторию в том, что «несмотря на все разговоры о вовлечении, США сохраняют приверженность двухвекторному подходу. <...> Вовлечение являет собой важный компонент всеобъемлющей стратегии, направленной на принуждение Ирана к отказу от попыток завладеть ядерным оружием. Однако само по себе оно не может принести успеха <...> стимулы и санкции должны применяться не последовательно, а одновременно» [3]. На основании этого заявления можно сделать вывод, что США уже с весны 2009 г. вели масштабную подготовительную работу по укреплению «периметра сдерживания», по всей видимости, отдавая себе отчет в том, что шансы на достижение прорыва в переговорах с Ираном невелики.

Для этого были и вполне объективные причины. Иран готовился к президентским выборам, борьба в которых между М. Ахмадинежадом и лидером оппозиции М.Х. Мусави обещала стать очень напряженной. В такой ситуации со стороны иранского правительства сложно было ожидать каких-либо серьезных инициатив. В апреле Иран и вовсе заявил, что новых встреч с «шестеркой» до выборов проводить не будет, не оставив США других вариантов, кроме как ждать волеизъявления иранского народа [12, р. 25].

Выборы 2009 г. оказались в истории ИРИ событием далеко не рядовым. Явка составила рекордные 85%, что свидетельствовало о значительной активизации политической жизни страны и косвенно подчеркивало уязвимость позиций правящего режима. Последнее стало еще более очевидно после закрытия избирательных участков. Результаты выборов были объявлены уже на следующий день: за М. Ахмадинежада было подано 60% голосов, за М.Х. Мусави — лишь 33%. Очевидная невозможность подсчитать рекордное количество бюллетеней за столь короткий срок заставила сторонников М.Х. Мусави выйти на улицы с призывами признать результаты выборов сфальсифицированными и провести новое голосование. Массовые протесты, в которых приняли участие, по разным оценкам, от 1 до 1,5 млн человек, вызвали диспропорционально жесткий ответ со стороны правительства. Решив подавить волнения любой ценой, режим активно применял силу, что привело не только к массовым арестам, но и к человеческим жертвам.

В этой ситуации многое зависело от позиции аятоллы Хаменеи. Заверив назначение М. Ахмадинежада, он все же обязал Совет стражей Конституции перепроверить результаты выборов. Окончательное решение было вынесено Советом 29 июня, а официальное утверждение М. Ахмадинежада состоялось 3 августа [2].

Реакция Б. Обамы на события в Иране была крайне осторожной. Выразив серьезную обеспокоенность происходящим, президент пообещал продолжить политику «вовлечения» Ирана независимо от результатов выборов. 16 июня в интервью каналу CNBC президент развил данный тезис, заявив, что с точки зрения интересов национальной безопасности США разница между М. Ахмадинежадом и М.Х. Мусави может быть незначительной — Америке все равно придется иметь дело с режимом, который в силу многих причин, в том числе исторических, будет настроен к США враждебно [19].

Данные заявления Б. Обамы вызвали неоднозначную реакцию. Одна часть экспертов высоко оценила стремление президента избегать любых фраз, которые могли быть расценены как вмешательство во внутренние дела Ирана и спровоцировать иранское правительство на еще более жесткую реакцию, другая — обрушилась на главу Белого дома с резкой критикой. Б. Обаму обвиняли в том, что он рассматривает события в Иране исключительно сквозь призму ядерной проблемы, в то время как отсутствие жесткого заявления со стороны США может подтолкнуть Хаменеи и Корпус стражей исламской революции (КСИР) к продолжению репрессий.

Нельзя не отметить, что американский Конгресс с самого начала занял отличную от администрации позицию. 19 июня Палата представителей приняла резолюцию № 560, осуждавшую применение иранским правительством насилия против демонстрантов. Сенат также принял две резолюции — № 193 и 196. Первая выражала поддержку иранским гражданам, которые выступали за соблюдение гражданских свобод и прав человека, вторая — обеспокоенность ситуацией с защитой свободы слова в Иране [12, р. 24].

В ответ на усиление критики внутри страны и продолжение репрессий со стороны иранского правительства позиция администрации Б. Обамы стала ужесточаться. 20 июня 2009 г. президент призвал правительство ИРИ «прекратить все несправедливые действия в отношении иранского народа», заявив: «Если правительство Ирана стремится к тому, чтобы его уважало международное сообщество, оно должно уважать достоинство своего народа и править по согласию, а не принуждению» [29]. Президент тем самым делал прямой намек на «антинародный» характер режима, что являло собой разрыв с риторикой первых месяцев его правления.

Изменилась, однако, не только риторика. 25 июня администрация объявила о том, что отзывает приглашения иранских дипломатов на празднование Дня независимости [12, р. 44]. Этот, казалось бы, незначительный шаг давал понять, что иранская политика США может в скором времени поменять «вектор».

В Белом доме прекрасно понимали, что волнения в Иране окажут негативное влияние на решение иранской ядерной проблемы. Режиму М. Ахмадинежада необходимо было сосредоточиться на удержании контроля над страной, а не на переговорах с Западом. Кроме того, преодолеть кризис легитимности можно было только путем ужесточения антизападной риторики, а это означало, что Иран будет гораздо менее склонен к компромиссам по ядерной программе. Несмотря на это администрация Б. Обамы приняла решение, не отказываясь публично от идеи «диалога», усилить давление на Тегеран. 9 июля состоялся саммит глав стран «большой восьмерки». В текст итогового коммюнике по инициативе США было включено ультимативное требование к Ирану: если к концу сентября 2009 г. Тегеран не возобновит переговоры, «шестерка» приступит к рассмотрению вопроса о введении против него «парализующих» санкций.

Пока Иран ждал инаугурации М. Ахмадинежада, Конгресс США продолжал принимать антииранские по характеру инициативы. 20 июля в Сенат был внесен проект закона, который позволял президенту накладывать запрет на заключение правительственных контрактов с зарубежными компаниями, занимающимися поставкой в Иран технологий Интернет-цензуры. Спустя несколько дней Сенат по инициативе ряда конгрессменов, в том числе Дж. Маккейна, включил в проект военного бюджета на 2010 г. статью под названием «О жертвах цензуры в Иране», в которой речь шла о расширении свободы выражения в Интернете в ИРИ и создании препятствий для использования иранским правительством Интернет-пространства в целях идентификации политических противников. Сенат предусматривал расширение американского вещания на Иран и выявление компаний, продающих Ирану технологии Интернет-цензуры, а также выделял средства на документирование нарушений прав человека в Иране с 12 июня 2009 г. [11, р. 34].

Эти инициативы, граничившие с вмешательством во внутренние дела суверенного государства, были восприняты в Тегеране крайне негативно, но существенного влияния на разработку ответа на ультиматум «шестерки» не оказали. Иран согласился возобновить переговоры и представил свои предложения по урегулированию ядерной проблемы. Они носили довольно неопределенный характер, но Вашингтон считал их достаточными для проведения

встречи с представителями Ирана. Встреча была назначена на 1 октября 2009 г., но за неделю до начала переговоров произошло событие, поставившее под сомнение возможность достижения каких-либо компромиссов. 25 сентября появилась информация о существовании около г. Кум незадекларированного завода по обогащению урана. Это многократно усилило опасения, что Иран участвует в переговорах только для того, чтобы выиграть время, необходимое для преодоления «ядерного порога». Дальнейшее развитие событий подтвердило оправданность подобных опасений.

Переговоры по иранской ядерной программе, которые проходили 1 октября в Женеве и в рамках которых состоялась отдельная встреча С. Джалили с помощником госсекретаря У. Бернсом (первая встреча высокопоставленных официальных лиц ИРИ и США за 30 лет!), завершились подписанием ряда «прорывных» договоренностей, окончательно оформленных на встрече представителей США, Франции, России и Ирана в штаб-квартире МАГАТЭ в Вене 19—21 октября 2009 г. Иран брал на себя обязательство разрешить инспекторам МАГАТЭ произвести осмотр ядерного объекта около г. Кума и обменять 1,2 тонны низкообогащенного урана, наработанного в Натанзе (около 75% общего количества), на топливные сборки для исследовательского реактора в Тегеране. Иранский уран решено было отправить для обогащения в Россию, а затем во Францию для изготовления топливныхборок. Однако вместо того, чтобы приступить к выполнению соглашения, Тегеран начал формулировать контрпредложения, обесмысливавшие суть заключенных договоренностей: предлагал отправлять низкообогащенный уран в Россию частями, переправлять его в Турцию, а в конечном счете и вовсе потребовал, чтобы обмен проводился синхронно и на территории страны.

Отказ ИРИ от выполнения октябрьских договоренностей привел к резкой активизации деятельности американского Конгресса. В конце октября комитет по банковским делам Сената одобрил проект закона «О всеобъемлющих санкциях в отношении Ирана», предусматривавший введение широкого круга жестких рестриктивных мер против ИРИ. Опасаясь того, что быстрое принятие закона может осложнить переговорный процесс, администрация Б. Обамы обратилась к председателю комитета по международным делам Сената с просьбой отложить голосование. Сенаторы пошли на уступки, однако в Палате представителей билль был поставлен на голосование и принят 15 декабря 412 голосами против 12.

Зимой в Конгрессе были рассмотрены еще несколько важных законопроектов, акцент в которых был сделан на обеспечение защиты прав человека в Иране. Особое место среди них занимал

проект закона «О солидарности с иранским народом», который запрещал въезд на территорию США иранских граждан, бывших инициаторами или непосредственными исполнителями актов, нарушавших права человека; запрещал заключение федеральных контрактов с компаниями, предоставлявшими технологии Интернет-цензуры правительству Ирана, и обязывал американские неправительственные организации оказывать гуманитарную помощь иранскому народу. Еще более показательным был проект закона «О переходе к демократической форме правления в Иране», внесенный в Сенат 11 февраля республиканцем Дж. Корнином. Законопроект обязывал президента поддерживать отдельные оппозиционные демократические организации в Иране, оказывать помощь иранцам, ставшим жертвами правительственных репрессий, и назначить специального посланника по проблемам демократии и защиты прав человека в Иране, а правительству рекомендовал изучить возможность организации регионального правозащитного диалога по Ирану по модели Хельсинкского процесса [11, р. 38].

Принимая подобные законопроекты, конгрессмены выражали настроения, которые к тому моменту стали преобладать в американском общественном мнении. Администрацию Б. Обамы все чаще призывали занять более жесткую позицию по вопросу о нарушениях прав человека в Иране и перестать замалчивать эту тему в условиях, когда политика «вовлечения» не приносит никаких результатов. В скором времени неэффективность данной политики стала еще более очевидной. 11 февраля М. Ахмадинежад заявил, что Тегеран произвел первую партию обогащенного до 20% урана и намерен утроить производство низкообогащенного урана, в том числе путем строительства 10 новых заводов. С приближением Ирана на один шаг к «ядерному порогу» администрация Б. Обамы получила повод осуществить запланированный с самого начала переход к «сдерживанию».

Именно это и стало главной темой очередного видеообращения Б. Обамы в канун Персидского Нового года, которое ярче, чем какой-либо другой источник, продемонстрировало поворот в политике Белого дома. Б. Обама больше не использовал официальное название Ирана и не объединял иранских лидеров и народ в одно целое. Напротив, обращение было построено таким образом, чтобы подчеркнуть «антинародный» характер режима, который не только не позволил иранцам свободно изъяснить протест, но и отказался выполнять договоренности, позволявшие великой цивилизации занять подобающее ей место в сообществе наций [23]. Б. Обама по-прежнему изъяснял готовность к диалогу с Ираном, однако делал акцент на том, что США работают в тесном контакте

с мировым сообществом по привлечению Тегерана к ответственности за невыполнение своих обязательств. Возлагая вину на иранских лидеров, Б. Обама ясно давал понять: США рассчитывают на то, что новые санкции будут способствовать дальнейшему отчуждению иранцев от режима. Конечно, это не шло ни в какое сравнение с той агрессивной риторикой, которую позволяли себе члены команды Дж. Буша-мл., однако новаторство подхода Б. Обамы становилось все менее ощутимым. Иранская политика возвращалась в привычное, конфронтационное русло.

Уже 30 марта на совместной пресс-конференции с президентом Франции Н. Саркози Б. Обама изъявил желание, чтобы новые санкции в отношении Ирана были приняты СБ ООН в ближайшие недели. Именно в тот момент в «иранском деле» появились новые фигуранты. В качестве посредников в решении ядерной проблемы выступили непостоянные члены Совета Безопасности Бразилия и Турция, поставившие перед собой цель реанимировать октябрьские договоренности. 17 мая 2010 г. главы МИД этих стран подписали с Ираном соглашение по проекту обмена имеющегося у Тегерана низкообогащенного (до 3,5%) урана на высокообогащенное (до 20%) топливо для тегеранского научно-исследовательского реактора на территории Турции. При этом соглашение признавало право ИРИ на обогащение урана.

Администрация Б. Обамы, однако, отказалась поддержать новую инициативу, отметив, что уран, предназначенный для обогащения, — это только половина запасов Ирана (т.е. не исключена возможность обогащения достаточного количества для создания атомной бомбы), при этом Тегеран уже начал обогащение до 20%-го уровня. 18 мая 2010 г., через день после подписания Тегеранской декларации, Х. Клинтон объявила о том, что «шестерка» достигла договоренности по вопросу о новых санкциях.

Резолюция представляла собой компромисс между США, Великобританией и Францией с одной стороны, и Россией и Китаем — с другой. На обеспечение благожелательной позиции Пекина и Москвы администрации пришлось потратить немало сил и энергии. Так, США были вынуждены дать Китаю разъяснения относительно возможных негативных последствий для мирового нефтяного рынка эскалации напряженности вокруг Ирана в случае продолжения развития его ядерной программы. Руководителей Поднебесной также заверили в том, что если в качестве акта возмездия Иран прекратит поставки нефти в Китай, то ОАЭ и Саудовская Аравия компенсируют топливо в полном объеме. Что касается России, то США пообещали исключить Рособоронэкспорт — по-

ставщика зенитно-ракетных комплексов С-300 — из списка предприятий, которые подпадут под действие новых санкций [17].

В итоге 9 июня 2010 г. СБ ООН принял резолюцию № 1929, ставшую уже четвертой по счету, касающейся введения санкций в отношении ИРИ в связи с ее отказом раскрыть детали своей ядерной программы («за» было подано 12 голосов, «против» — 2 (Турция и Бразилия), Ливан от голосования воздержался). Резолюция содержала следующие основные положения: 1) введение санкций в отношении иранских банков за рубежом при наличии подозрения, что они имеют отношение к развитию иранской ядерной или ракетной программы; 2) призыв к проявлению бдительности при осуществлении сделок с участием иранских банков, в том числе Центробанка; 3) расширение эмбарго ООН на поставки оружия Ирану; 4) расширение «черного списка» иранских компаний (в него были внесены, в частности, компании, связанные с КСИР); 5) призыв к введению режима инспектирования грузов, подобного тому, который действует в отношении КНДР.

Принятие данной резолюции стало, несомненно, крупной дипломатической победой администрации Б. Обамы и подтверждением правильности выбранного ею двухвекторного курса. Продемонстрировав на словах и на деле готовность к «диалогу» с Ираном, Б. Обама создал такие условия, в которых ответственность за отсутствие прогресса в деле решения «иранской проблемы» ложилась на иранское правительство. В сложившейся ситуации отказ от поддержки новых санкций был сопряжен с большими имиджевыми рисками, которые постоянные члены Совбеза не захотели на себя брать. Введение санкций ООН не означало, впрочем, что США отложили идею «диалога» «в долгий ящик». Напротив, они делали акцент на том, что единственная цель принимаемых рестриктивных мер — принуждение Тегерана к возобновлению переговоров, и приветствовали обращение министра иностранных дел ЕС К. Эштон к правительству Ирана с письмом, содержащим соответствующее официальное приглашение.

Первоначальная реакция Ирана была, однако, крайне негативной. М. Ахмадинежад заявил о замораживании на два месяца любых переговоров с Западом и выдвинул следующие условия для их возобновления: основой диалога должна быть Тегеранская декларация; в переговорах помимо стран «шестерки» должны участвовать Турция и Бразилия; западные страны должны прояснить статус ядерного арсенала Израиля. Поскольку эти требования были совершенно неприемлемыми для США, Белый дом решил усилить давление на Тегеран. 2 июля 2010 г. Б. Обама подписал закон о расширении односторонних санкций против Ирана, несмотря

на активные протесты со стороны России и Китая. Вашингтон дополнительно включил в «черный список» более 30 иранских компаний и частных лиц, связанных с программами по разработке ракетных технологий, несколько десятков судов, способных перевозить элементы ОМУ или части ракет, а также более 20 энергетических, нефтяных и страховых компаний, контролируемых иранским правительством. Кроме того, американским банковским структурам было запрещено сотрудничать с зарубежными финансовыми институтами, уличенными в контактах с КСИР. Наконец, документ наложил полный запрет на экспорт в Иран готовых нефтепродуктов и ввел наказание для компаний-нарушителей этого запрета. Комментируя данную инициативу, Б. Обама назвал санкции «самыми жесткими из когда-либо принятых Конгрессом в отношении Тегерана» [20] и подчеркнул, что таким образом США рассчитывают научить Иран отвечать за свои действия.

Предпринятые администрацией Б. Обамы шаги и боязнь того, что примеру США могут последовать страны ЕС, заставили иранского представителя на переговорах с «шестеркой» С. Джалили ответить на упомянутое письмо К. Эштон и изъяснить готовность к возобновлению диалога по окончании священного месяца Рамадан в середине сентября. Ответ иранской стороны европейцев, однако, не удовлетворил. 26 июля на встрече в Брюсселе главы МИД стран ЕС одобрили широкий пакет дополнительных санкций в отношении Ирана, заставив Тегеран немедленно направить в адрес генерального директора МАГАТЭ письмо с изъявлением согласия на проведение встречи экспертов для обсуждения технических вопросов реализации схемы топливозамещения для тегеранского исследовательского реактора. Кроме того, несколько дней спустя президент Ирана М. Ахмадинежад выразил готовность встретиться лицом к лицу с Б. Обамой в присутствии телекамер на открытии юбилейной 65-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке и обсудить глобальные проблемы. Подобный шаг в разгар санкционной кампании мог быть сделан М. Ахмадинежадом лишь с одной целью — «перевести стрелки» на США, заставить их публично отказаться от диалога с Тегераном и тем самым поставить под вопрос легитимность режима санкций.

Расчет иранского лидера оказался верным. Его предложение в Белом доме, действительно, было названо несерьезным, но к приостановке ужесточения санкций это не привело. Напротив, процесс лишь ускорился. Буквально на следующий день министерство финансов США опубликовало список из более 20 компаний, зарегистрированных в 6 странах (Иран, Япония, Германия, Италия, Беларусь, Люксембург), которые, по его данным, принадлежат

иранскому правительству, контролируются им или используются для «финансирования противозаконных операций» [33]. Кроме того, минфин ввел санкции в отношении четырех лидеров спецподразделения КСИР «Аль-Кудс» (IRCG-QF) по обвинению в оказании поддержки талибам и другим экстремистским группам, а также внес в «черный список» террористических организаций Иранский комитет по восстановлению Ливана и ливанский филиал Комитета помощи имени имама Хомейни [33]. Наконец, 13 августа министерство финансов объявило о блокировании доступа к финансовой системе США тех банков и компаний, которые обслуживают интересы юридических и физических лиц, являющихся объектами международных и односторонних американских санкций в отношении Ирана (ранее нарушители подвергались лишь штрафам) [39].

США также развернули активную деятельность на международной арене по мобилизации широкой «антииранской коалиции». Так, 2—4 августа состоялся специальный визит советника президента по вопросам нераспространения и контроля над вооружениями Р. Эйнхорна и уже знакомого нам Д. Глэйзера в Южную Корею и Японию, целью которого было убедить Сеул и Токио ввести односторонние санкции в отношении Ирана. США осуществляли нажим не только на союзников (в их числе можно также назвать Австралию и Канаду), но и на Китай, причем на всех направлениях, за исключением китайского, им сопутствовал успех.

Можно выделить и еще один любопытный метод оказания давления на Иран — преувеличение степени воздействия принятых мер на иранскую экономику. Особенно показательным в этом отношении было выступление Б. Обамы 6 августа 2010 г., в котором он подчеркнул, что санкции оказали большее влияние, чем ожидалось, и призвал иранских лидеров возобновить переговоры по ядерной программе. Президент тем самым, с одной стороны, демонстрировал иранскому народу, насколько высокую цену ему придется заплатить за нежелание его правительства отказаться от девиантного поведения, а с другой — напоминал мировому сообществу, что единственной целью санкций является возврат Ирана за стол переговоров.

США действительно ждали позитивных сигналов от Тегерана, которых, однако, не поступало. Тем временем ситуация вокруг «иранской проблемы» продолжала усложняться. В сентябре был обнародован очередной доклад Генерального директора МАГАТЭ Ю. Аmano, в котором агентство выразило серьезную озабоченность возможным проведением в Иране тайных военных исследований в ядерной области, включая разработку ядерной боеголовки для

ракеты, и заявило о том, что не берется подтвердить мирный характер иранской ядерной программы. Кроме того, МАГАТЭ сформулировало новые претензии к Тегерану. По оценкам авторов доклада, Иран в общей сложности накопил 2,8 тонны низкообогащенного урана, причем примерно 400 кг — всего за четыре последних месяца (май—август), а также 22 кг урана, обогащенного до 20%. После дообогащения этого количества расцепляющегося материала хватит для изготовления трех атомных бомб. При этом эксперты выражали опасения, что ИРИ сможет уже достаточно скоро наладить производство высокообогащенного урана, пригодного для использования в военных целях.

Ответом на публикацию доклада со стороны западных держав стало новое ужесточение санкций. Министерство финансов США добавило в «черный список» зарегистрированный в ФРГ банк *Eurodisch-Iranische Handelsbank AG*, принадлежащий правительству Ирана, по обвинению в оказании услуг иранским компаниям, занимающимся распространением оружия. Кроме того, дополнительные санкции в отношении Ирана были введены странами ЕС и Японией. Наконец, 22 сентября вышел указ президента России «О мерах по выполнению резолюции СБ ООН № 1929 от 9 июня 2010 г.», введивший запрет на поставку Ирану ряда вооружений, в частности ЗРК С-300.

Новая волна санкций, прокатившаяся по миру, вызвала определенные изменения в позиции Ирана. 23 сентября, в день открытия общеполитической дискуссии на сессии Генассамблеи ООН, М. Ахмадинежад заявил, что не видит иного выхода, кроме возобновления переговоров с США по ядерной программе. Вашингтон воспринял это заявление позитивно, однако из-за отсутствия в нем конкретных сроков и условий решил продолжить санкционную кампанию. 29 сентября было объявлено о включении в «черный список» 8 государственных чиновников Ирана (в их числе — командующего КСИР, министра здравоохранения и социального обеспечения, а также нескольких сотрудников разведведомства) по обвинению в поддержке подавления антиправительственных выступлений летом 2009 г. Администрация замораживала счета этих лиц в США и отказывала им в предоставлении виз [37].

Эксперты подчеркивали, что реальный эффект данных мер был минимальным. Так, командующий КСИР М. Али Джафари уже был включен в «черный список» по обвинению в причастности к разработке ядерной программы; никто из указанных лиц, естественно, не планировал въезжать на территорию США в ближайшем будущем; наконец, ни один из восьми человек не хранил

серьезных средств в финансовых институтах, находящихся в пределах американской юрисдикции. Тем не менее эта мера имела огромное символическое значение. Новое распоряжение стало первым случаем введения санкций в отношении иранских госслужащих по обвинению в нарушениях прав человека в практике администрации Б. Обамы. Если вспомнить, насколько осторожной была реакция Белого дома на подавление протестов сторонников М.Х. Мусави летом 2009 г., то этот шаг можно считать поистине революционным. Важно и другое. Данные санкции были «умными», точечными, направленными против конкретных лиц. Их целью было не только дать ясный сигнал руководителям Ирана, что они и их семьи превращаются в международных парий, но и снизить вероятность «обратного эффекта» санкций — сплочения народа вокруг лидеров в условиях давления извне.

Вашингтон не стал останавливаться на достигнутом. В начале октября вступило в силу распоряжение о введении пакета новых санкций: эмбарго на импорт в США ряда иранских товаров, включая ковры ручной работы и фисташки; запрета на поставку в Иран готовых нефтепродуктов; а также санкций в отношении иностранных фирм, способствующих развитию энергетического сектора Ирана, и финансовых институтов, сотрудничающих с КСИР. Кроме того, госдепартамент США призвал ведущие энергетические компании мира прекратить сотрудничество с Ираном и не инвестировать средства в его нефтегазовую промышленность. Наконец, министерство финансов США наложило санкции на 37 компаний, зарегистрированных в Германии, на Мальте и Кипре, на том основании, что «они принадлежат или подконтрольны Иранской судоходной компании, осуществляющей транспортировку оружия или грузов, используемых для нелегального производства ОМУ».

В конечном счете США удалось добиться своего — новая волна санкций сдвинула с мертвой точки процесс возобновления переговоров. 9 октября глава МИД Ирана М. Моттаки заявил о готовности начать обсуждение ядерной проблемы с «шестеркой» в начале ноября. Вашингтон позитивно отреагировал на это заявление и не стал вводить никаких дополнительных рестриктивных мер, посчитав, что стратегия «сдерживания» начинает приносить свои плоды. Однако данной точки зрения придерживались далеко не все страны, вовлеченные в орбиту «иранской проблемы». Так, например, 8 ноября премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху открыто призвал США признать несостоятельной политику экономических санкций по отношению к Ирану, заявив, что только реальная угроза военного вмешательства вынудит Тегеран отказаться от разработки ядерного оружия. В этой ситуации администрации Б. Обамы

приходилось делать все возможное для того, чтобы удерживать Израиль от принятия решений, которые могли обесмыслить все усилия, предпринятые США в 2009—2010 гг.

Тем временем процесс возобновления переговоров затягивался — стороны никак не могли определить место их проведения. Страны ЕС предлагали в качестве площадки Вену, в то время как Иран выступал за Стамбул. В итоге был избран компромиссный вариант — Женева, который устроил всех. Западные державы предполагали, что главным вопросом повестки дня на переговорах станет обсуждение иранской ядерной программы, а также вопрос о топливозамещении для тегеранского исследовательского реактора. Однако этим ожиданиям не суждено было оправдаться. Тегеран оказался не готов обсуждать детали своей программы, и в итоге единственным результатом переговоров 6—7 декабря в Женеве стало решение провести новый раунд в конце января в Стамбуле.

Подводя итоги анализа иранской политики администрации Б. Обамы в 2009—2010 гг., следует признать, что на данном направлении эксперимент по принуждению «государства-изгоя» к отказу от девиантного поведения путем «вовлечения в диалог» полностью провалился. Даже если предположить, что на переговорах в Стамбуле сторонам удастся прийти к компромиссу, прорыв будет достигнут благодаря «сдерживанию», а не «вовлечению». Однако вероятность такого прорыва представляется крайне невысокой. Несмотря на поистине беспрецедентные успехи в деле мобилизации широкой «антииранской коалиции» в рамках ООН, администрации Б. Обамы пока не удалось изменить логику взаимодействия Ирана с Западом, и последние переговоры в Женеве являются лучшим тому доказательством.

Не видя никаких реальных свидетельств готовности Вашингтона к «прямому диалогу» и взаимным уступкам и понимая, насколько ограниченными являются сегодня возможности США по осуществлению силового давления, Иран продолжает играть с Западом в игру, в которой за многие годы он уже стал настоящим профессионалом. Создавая видимость ведения переговоров, Тегеран медленно, но верно приближается к пересечению «ядерного порога», а учитывая, что срок, отделяющий ИРИ от этой черты, сократился, по оценкам специалистов, до одного года, соблазн пересечь ее вполне может оказаться сильнее стремления выйти из международной изоляции.

Тем не менее, несмотря на наличие у Тегерана большой заинтересованности в обретении ядерного статуса, остается открытым вопрос: могла ли политика «вовлечения» Ирана привести к большим результатам, будь она для администрации Б. Обамы главной

стратегической установкой, а не частью двухвекторного подхода и не инструментом повышения эффективности «сдерживания»? В поиске ответа на него большую помощь может оказать изучение политики США в отношении Сирии, в которой «вовлечение» остается магистральной линией уже на протяжении двух лет.

* * *

Сирия с самого начала занимала особое место в предложенной Б. Обамой стратегии «перезагрузки» взаимоотношений с «государствами-изгоями». Это можно считать вполне закономерным, учитывая тесную связь «сирийской проблемы» с теми вопросами, которые были приоритетными для политики новой администрации на Ближнем Востоке: «сдерживание» Ирана, стабилизация положения в Ираке, возобновление арабо-израильских переговоров. Для качественного улучшения стратегической ситуации в регионе команде Б. Обамы требовалось устранить негативные последствия проводившейся администрацией Дж. Буша-мл. с 2003 г. политики изоляции Сирии, главными из которых были возникновение «оси» Дамаск—Тегеран и резкое увеличение масштабов поддержки, оказываемой Сирией движениям «Хезболла» и «ХАМАС», а также повстанцам в Ираке. В Белом доме были убеждены: вывести Сирию из-под влияния ИРИ и ослабить тем самым своего главного соперника в регионе можно было, только поменяв вектор сирийской политики со «сдерживания» на «вовлечение».

Как и в случае с Ираном, реализация стратегии «вовлечения» началась с символических шагов, призванных изменить общий климат двусторонних отношений. Первой мерой такого рода стала выдача министерством торговли США 9 февраля 2009 г. лицензии на поставку запасных частей к самолетам Boeing 747 для сирийской национальной авиакомпании «Syrian Air», которую можно было расценить как намек на возможность ослабления режима односторонних санкций в отношении Сирии при условии, что модус ее поведения на международной арене изменится.

На потепление климата была нацелена и резкая интенсификация дипломатических контактов. Так, уже 26 февраля 2009 г. состоялась встреча исполняющего обязанности помощника госсекретаря по Ближнему Востоку Д. Фелтмана с послом Сирии И. Мустафой, а буквально через несколько дней Д. Фелтман вместе с директором ближневосточного департамента Совета национальной безопасности Д. Шапиро вылетел в Дамаск для проведения переговоров с представителями сирийского правительства, главной темой которых стало достижение взаимопонимания с сирийской стороной по проблеме стабилизации обстановки в Ираке [26].

Налаживание диалога, однако, прерывалось «недружественными» шагами со стороны администрации Б. Обамы, предусмотренными федеральным законодательством. В день повторного визита Д. Фелтмана и Д. Шапиро в Дамаск 7 мая 2009 г. президент подписал указ о продлении на один год действия акта о наличии чрезвычайной угрозы национальной безопасности США со стороны Сирии. Подобные документы в американской юридической системе являются легальным основанием для сохранения режима односторонних санкций в отношении той или иной страны.

Прекрасно понимая, насколько негативно продление санкций будет воспринято в Дамаске, администрация Б. Обамы постаралась сделать все для того, чтобы компенсировать данную меру активными двусторонними контактами как можно более высокого уровня. Неслучайно уже 14 июня 2009 г. состоялась поездка спецпредставителя США на Ближнем Востоке Дж. Митчелла в Дамаск. Целью визита были переговоры с президентом Б. Асадом и другими ключевыми фигурами в правительстве. В тот же день в Сирию прибыла делегация Центрального командования США для совместного обсуждения проблемы ограничения проникновения джихадистов в Ирак с территории Сирии и усовершенствования возможностей сирийского правительства по осуществлению пограничного контроля. Одновременно администрация Б. Обамы пообещала ослабить ограничения на поставку информационных технологий, телекоммуникационного оборудования и деталей к гражданским самолетам и проинформировала сирийское руководство о намерении США вернуть посла в Дамаск и восстановить дипломатические отношения в полном объеме. Завершил серию позитивных шагов со стороны Вашингтона второй визит делегации Центрального командования США, по итогам которого было объявлено о создании трехсторонней комиссии в составе Соединенных Штатов, Сирии и Ирака по наблюдению за сирийско-иракской границей [26].

Таким образом, уже к лету 2009 г. в американо-сирийских отношениях был заметен явный прогресс по сравнению с периодом правления Дж. Буша-мл. Символом потепления климата стало обращение президента Б. Асада к Б. Обаме с официальным приглашением приехать в Дамаск и провести переговоры на высшем уровне [31]. Подобное предложение, совершенно немыслимое еще несколько лет назад, говорило о наличии у сирийского руководства большой заинтересованности в «вовлечении». Однако мотивы, побуждавшие Дамаск откликаться на призывы Белого дома к установлению диалога и выступать с ответными инициативами, оставались до некоторых пор неопределенными. Было неясно, чем

является диалог с США для сирийского руководства — стратегической целью или удобной тактикой, позволяющей за счет поддержки видимости конструктивного взаимодействия укреплять свой авторитет на международной арене и более эффективно реализовывать собственные интересы в регионе, усыпляя бдительность Вашингтона.

В скором времени произошло событие, которое усилило эту неопределенность. 19 августа 2009 г. в Багдаде у зданий министерства финансов и МИД прогремели взрывы, в которых погибли около 100 человек и несколько сотен были ранены, а ответственность за теракт взяла на себя «Аль-Каида в Ираке». Иракское правительство напрямую обвинило режим Б. Асада в оказании поддержки организаторам взрывов, что не только нанесло серьезный удар по ирако-сирийским отношениям, но и впервые поставило под вопрос эффективность начатой администрацией Б. Обамы политики «вовлечения». Однако американо-сирийское сближение продолжалось. 30 сентября состоялся визит в Вашингтон заместителя министра иностранных дел Ф. Микдада — первый (!) визит представителя Сирии в США с 2001 г., который проходил в более чем дружелюбной атмосфере. Между тем градус настроений в американском общественном мнении начал постепенно меняться. Средства массовой информации восприняли теракты в Багдаде как свидетельство того, что политика «вовлечения» не приносит никаких результатов и начинает постепенно граничить с «умиротворением». Дальнейшее развитие событий в целом подтвердило справедливость подобных оценок.

В ноябре 2009 г. израильские спецслужбы осуществили перехват грузового судна «Грансор», следовавшего в сирийский порт Латакия из Ирана с большой партией оружия для «Хезболлы». Данный эпизод прямо указывал на то, что Сирия продолжает поддерживать движения, причисляемые Белым домом к террористическим, однако администрация Б. Обамы снова предпочла ограничиться символическим шагом — отклонением запроса компании «Airbus» на продажу новых самолетов в Сирию, что совершенно не соответствовало масштабу правонарушения [26].

Не последовало никакой реакции со стороны США и на «словесную войну» между Дамаском и Израилем в феврале 2010 г., в которой Б. Асад обвинил Израиль в подталкивании стран региона к новому конфликту и пригрозил нанести удар по израильским городам в случае его начала, а министр иностранных дел Израиля А. Либерман пообещал «свергнуть» режим Б. Асада, если дело дойдет до вооруженного противостояния. Подобная эскалация напряженности в отношениях между Дамаском и Тель-Авивом была крайне

невыгодна США в условиях, когда их генеральная цель заключалась в возобновлении переговорного процесса на Ближнем Востоке, однако это не стало поводом для пересмотра политики «вовлечения». Напротив, 16 февраля Белый дом официально объявил о назначении нового посла в Сирии, которым стал бывший заместитель главы дипломатической миссии США в Багдаде Р. Форд, а уже на следующий день в Дамаск для проведения переговоров с президентом Б. Асадом прилетел заместитель госсекретаря по политическим делам У. Бернс. Вместе с тем решения президента было недостаточно для того, чтобы дипломатические связи с Сирией были восстановлены в полном объеме, — кандидатуру нового посла должен был одобрить американский Сенат. Поскольку у конгрессменов сирийская политика Белого дома к тому моменту вызывала уже слишком много вопросов, для администрации было крайне важно, чтобы накануне голосования не произошло никаких событий, которые убедили бы законодателей в преждевременности возвращения посла США в Дамаск. Однако этим надеждам не суждено было оправдаться — за короткий срок произошло сразу несколько таких событий.

Первым из них стала публикация доклада МАГАТЭ, в котором агентство сообщило, что частицы урана, найденные в июне 2008 г. инспекторами на объекте, уничтоженном Израилем в 2007 г., указывают на возможную ядерную деятельность Сирии, и напомнило мировому сообществу, что сирийское правительство с июня 2008 г. блокирует доступ инспекторов к данному объекту [9]. Вторым событием стало проведение в Дамаске трехстороннего саммита лидеров Сирии, Ирана и «Хезболлы», призванного продемонстрировать Западу укрепление блока антиизраильских сил. После этого стало понятно, что главной цели — разрыва ирано-сирийского союза — администрации Б. Обамы добиться не удалось. Наконец, Сирия выступила с резкой критикой решения Лиги Арабских государств оказать поддержку израильско-палестинским переговорам.

В этих условиях было очевидно, что процесс утверждения кандидатуры посла в Сенате не будет простым, и слушания по данному вопросу, начавшиеся 16 марта, полностью подтвердили ожидания экспертов. Несмотря на попытки Р. Форда убедить членов верхней палаты в отсутствии у администрации «иллюзий относительно масштабов тех вызовов, с которыми ему предстоит столкнуться» [34] во взаимодействии с Сирией, сенаторы сочли решение администрации о назначении посла поспешным и проголосовали против. Дальнейшие события подтвердили оправданность занятой ими позиции.

В начале апреля в мировых СМИ появилась информация о том, что Сирия осуществила передачу «Хезболле» баллистических ракет SCUD-D с радиусом действия 700 км. Речь шла о попадании в руки «Хезболлы» оружия, которое позволяло ей угрожать Иерусалиму, Тель-Авиву и ядерным объектам Израиля, однако официальная реакция Белого дома была довольно сдержанной — госдепартамент ограничился заявлением, осуждающим подобные действия. Анализ секретных документов, опубликованных на сайте Wikileaks, позволяет прояснить причины такой сдержанности. Дело в том, что для США указанная информация не стала новостью: Вашингтон не только знал о поставках ракет SCUD-D, но и ставил этот вопрос перед президентом Б. Асадом еще в начале февраля 2010 г. Сирийский президент, естественно, все отрицал, однако США настаивали на том, что Белому дому доподлинно известно о наличии у Сирии планов по поставке баллистических ракет SCUD-D «Хезболле». В этой ситуации логично было бы ожидать от Вашингтона принятия серьезных мер по предотвращению передачи оружия, однако из документов следует, что администрация в лице Х. Клинтон ограничилась выражениями глубокой озабоченности и общими предостережениями. Никаких ультимативных требований к Сирии озвучено не было [13]. Причины такой реакции Белого дома мы постараемся объяснить в выводах по данному разделу.

Поставка оружия «Хезболле» стала далеко не последней в ряду акций, предпринятых сирийским правительством для дестабилизации ситуации в Ливане. Так, Сирия на протяжении 2009—2010 гг. оказывала всемерную поддержку усилиям «Хезболлы» по срыву деятельности международного трибунала по Ливану, учрежденного СБ ООН для расследования убийства Р. Харири и начавшего свою работу весной 2009 г. В октябре сирийское правительство пошло на поистине беспрецедентный шаг, выдав ордера на арест 33 лиц, препятствовавших, с его точки зрения, проведению объективного расследования, и в их числе — лиц из ближайшего окружения премьер-министра Ливана, сына Р. Харири Саада, а также главы следственной комиссии Д. Мехлиса. Подобные действия Дамаска представляли собой открытое нарушение норм международного права и косвенно подтверждали причастность сирийского правительства к убийству Р. Харири.

В тот момент дискурс администрации Б. Обамы начал претерпевать определенные изменения. В конце октября 2010 г. посол США в ООН С. Райс обвинила Сирию в проявлении открытого неуважения к суверенитету и политической независимости Ливана и нарушении положений соответствующих резолюций СБ ООН

(№ 1159, 1580 и 1747), приведя в качестве примеров поставки оружия «Хезболле» и выдачу указанных ордеров на арест. Сирия упоминалась в данном заявлении в числе других акторов, деятельность которых направлена на дестабилизацию ситуации в Ливане, — наряду с Ираном и «Хезболлой», однако обвинения в ее адрес были наиболее прямыми и жесткими [27].

Вместе с тем значение подобных заявлений не стоит преувеличивать. На данный момент по-прежнему нет никаких свидетельств того, что администрация Б. Обамы планирует отказаться от политики «вовлечения» Сирии, несмотря на усиление давления со стороны общественного мнения и Конгресса, которое, несомненно, станет еще более заметным в следующем году в связи с изменением расстановки сил в пользу республиканцев. Судя по всему, «вовлечение» Сирии изначально было не тактикой, как в случае с Ираном, а стратегической установкой, а потому отказ от нее потребует значительно более длительной подготовки.

Между тем необходимость смены вектора в сирийской политике назрела — итоги «вовлечения» оказались поистине неутешительными. Администрации Б. Обамы не удалось решить ни один из вопросов, стоявших в повестке дня американо-сирийских отношений в начале 2009 г. Напротив, масштаб «сирийской проблемы» за последние годы лишь увеличился. Б. Асад воспринял «разрядку» в отношениях не как повод к отказу от девиантного поведения, а как прекрасную возможность для укрепления позиций своей страны в регионе, чего Дамаск в настоящих условиях может добиться только путем усиления давления на Ливан и интенсификации контактов с «Хезболлой» и «ХАМАС».

Тот факт, что сирийскому президенту удалось это сделать, выглядит довольно парадоксальным на фоне регулярных дипломатических контактов между американскими и сирийскими представителями. Стенограммы этих переговоров станут доступными ученым только через много десятков лет, но уже сейчас можно предположить, что свидетельств умелого сочетания американской стороной стимулов и угроз в них обнаружить не удастся. Судя по всему, на сирийском направлении администрацией Б. Обамы был апробирован одновекторный подход, что может быть объяснено только полным подчинением сирийской политики императивам стратегии в отношении Ирана. Продолжение изоляции режима Б. Асада в условиях, когда первостепенной необходимостью было уменьшение роли ИРИ в регионе, стало бы для США контрпродуктивным, но это отнюдь не означает, что в распоряжении Вашингтона не было средств исключить возможность превращения политики «разрядки» в отношениях с Сирией в «улицу с односторонним движением».

Из трех «проблемных стран», о «вовлечении» которых в диалог Б. Обама говорил в ходе своей предвыборной кампании, **Кубе** уделялось меньше всего внимания, поскольку конфликтное взаимодействие с Островом Свободы было лишено стратегического компонента. Тем не менее установление диалога с Кубой имело большое значение с точки зрения улучшения имиджа США в западном полушарии, столь резко ухудшившегося за годы правления администрации Дж. Буша-мл. Перед Б. Обамой стояла нелегкая задача — вывести кубинскую политику из того тупика, в котором она оказалась по вине неоконсерваторов, не придумавших ничего лучшего, кроме как распространить принципы концепции демократизации на Кубу, и оказавшихся совершенно неготовыми к внесению корректив в свою политику в связи с изменениями в кубинском руководстве.

Администрация Дж. Буша-мл. интерпретировала объявление Ф. Кастро летом 2006 г. о временном отходе от дел и передаче власти своему брату Раулю исключительно как признак начала переходного периода и обещала поддержку усилиям кубинского народа по созданию демократического правительства на Кубе. Р. Кастро за первый год исполнения обязанностей главы государства трижды обращался к Белому дому с предложениями начать диалог, однако к «таянию льдов» в Вашингтоне это не привело. Администрация Дж. Буша-мл. продолжала выдвигать демократизацию в качестве условия для начала диалога и отмены санкций, руководствуясь установкой «пока не изменится режим, не изменится и политика США». Белый дом остался верен ей и после того, как 19 февраля 2008 г. Ф. Кастро официально объявил об уходе с поста главы государства. Не было существенных изменений и в позиции Конгресса. После победы демократов на промежуточных выборах 2006 г. в обе палаты был внесен ряд законопроектов, предусматривавших частичную и даже полную отмену санкций в отношении Кубы, но большая часть из них даже не прошла первую стадию — голосование в профильных комитетах. Выход из сложившейся в американо-кубинских отношениях патовой ситуации как раз и предлагал Б. Обама, обещая начать «вовлечение» Кубы в диалог [30].

Кубинская политика администрации Б. Обамы в первые «100 дней» в целом соответствовала данному обещанию. Созданию более благоприятного климата в американо-кубинских отношениях должна была способствовать уже первая символическая акция нового президента — подписание указа о закрытии тюрьмы на базе в Гуантанамо. В первую очередь, конечно, эта инициатива преследовала цель ликвидации наиболее одиозной части наследия

Дж. Буша-мл. в сфере антитеррористической политики, но при этом она имела все шансы быть воспринятой на Кубе как позитивный знак, за которым могут последовать и другие «дружественные» шаги, включая смягчение санкций.

Конгресс, впрочем, опередил Б. Обаму, внося в проект бюджета на 2009 год поправки, которые отменяли ограничения на поездки американокубинцев к родственникам на Кубу, введенные администрацией Дж. Буша-мл. Однако это не помешало президенту «персонализировать» данный шаг и сделать его частью кампании по изменению образа США в мире. 13 апреля 2009 г., непосредственно перед Пятым саммитом Америк в Тринидад-и-Тобаго, Б. Обама подписал указ, смягчавший санкции куда более значительно, чем было предусмотрено Конгрессом. Были сняты все ограничения на путешествия и отправку денежных переводов, дано разрешение американским телекоммуникационным компаниям предоставлять жителям Кубы услуги сотовой связи и телевидения, которые могли оплачиваться их родственниками в США, расширен список предметов, которые можно везти в подарок на Кубу. Наконец, законопроект снимал препятствия на поставки на Кубу медикаментов и продовольствия. Если ранее кубинцы должны были оплачивать их заблаговременно, то теперь это становилось возможным и по факту получения грузов. После этого Б. Обама заявил, что настала очередь Кубы сделать ответный шаг [40].

Само по себе смягчение санкций было воспринято Кубой позитивно. В ответ на данную инициативу Р. Кастро сообщил о готовности вести диалог с Вашингтоном на любые темы при условии, что он будет проходить на равных и без давления. Вместе с тем кубинский лидер подчеркнул, что «мяч» по-прежнему на американской стороне. В этой ситуации было очевидно, что хотя Куба и не сможет принять участие в саммите Америк, кубинская тема займет одно из первых мест в повестке дня данного мероприятия. Эксперты с нетерпением ждали выступления Б. Обамы, которое должно было прояснить дальнейшие действия Белого дома в отношении Острова Свободы. В своем докладе американский президент заявил: «Я здесь для того, чтобы открыть новую главу [в истории американо-кубинских отношений], ознаменованную сближением, которое продлится в течение моего правления» [21]. Б. Обама также пообещал начать подготовку к диалогу с кубинским правительством по широкому кругу проблем в самых различных сферах, начиная с контроля над оборотом наркотиков и миграцией и заканчивая правами человека, свободой слова и переходом к демократической форме правления.

Однако, как только саммит закончился, тон Белого дома заметно изменился. Так, уже 19 апреля 2009 г. помощник президента по политическим вопросам Д. Аксельрод в интервью каналу CBS подчеркнул, что администрация Б. Обамы пока далека от того, чтобы немедленно снять экономические санкции. Еще менее благоприятным было заявление госсекретаря Х. Клинтон, которая позволила себе почти буквально повторить фразу Дж. Буша-мл. о том, что «дни кубинского режима сочтены», лежавшую в большей степени в плоскости политики «смены режима», нежели «вовлечения». Не воодушевляла и риторика самого Б. Обамы. Вскоре после саммита он назвал в качестве предварительного условия для начала диалога с Кубой проведение ею изменений во внутренней политике, в частности снижение налогов, связанных с финансовым обращением. Стоит ли говорить, что такое заявление могло быть воспринято правительством Р. Кастро лишь как очередная попытка вмешательства во внутренние дела Кубы со стороны Белого дома.

Не сделала администрация и сколько-нибудь решительных шагов в направлении дестигматизации Кубы. Госдепартамент без колебаний сохранил за ней место в «черном списке» стран-спонсоров терроризма, Б. Обама предпочел отвергнуть инициативу Торговой палаты США о прекращении экономической блокады, а министерство финансов продолжило штрафовать компании, занимающиеся экспортом товаров на Кубу.

Все это не означает, что администрация полностью отказалась от идеи «вовлечения» Кубы в диалог, однако ее воплощение на практике в 2009 г. ограничилось несколькими символическими инициативами. В их числе можно отметить возобновление переговоров по проблеме контроля над миграцией, приостановленных администрацией Дж. Буша-мл. в 2004 г., проведение консультаций по организации прямого почтового сообщения между двумя странами, а также объявление о подготовке визита на Кубу руководителя антинаркотической службы США Б. Маккефри в целях обсуждения с кубинской стороной проблемы борьбы с наркотрафиком. Кроме того, администрация приняла решение об отключении электронной доски объявлений в здании секции интересов США в Гаване, которая появилась при Дж. Бушем-мл. и транслировала антикубинскую пропаганду, однако сделано это было лишь в качестве ответа на ликвидацию антиамериканских плакатов кубинским правительством [30].

Неудивительно, что в этой ситуации оптимизм кубинских лидеров в отношении Б. Обамы начал иссякать. Последним «дружественным» шагом со стороны Гаваны стала позитивная реакция

Ф. Кастро на присуждение Б. Обаме Нобелевской премии мира в ноябре 2009 г. Однако уже через несколько недель в письме, которое президент Венесуэлы У. Чавес зачитал на собрании лидеров левых движений в Гаване, команданте обвинил США в поддержке правых, контрреволюционных сил в регионе и ведении двойной игры, отметив: «Истинные намерения империи очевидны, хотя на этот раз они скрыты за доброй улыбкой и афро-американским лицом Б. Обамы» [6]. Еще более откровенным в своих высказываниях был министр иностранных дел Кубы Б. Родригес, назвавший Б. Обаму «империалистом» и «лицемером» [4], что заставило Вашингтон отменить запланированный визит Б. Маккефри на Кубу.

Наиболее яркими свидетельствами недоверия Гаваны к Вашингтону стали арест в начале декабря 2009 г. американца А. Гросса, работавшего на Кубе в рамках спонсируемых USAID проектов продвижения демократии, и последовавшие вскоре обвинения его в шпионаже. Вашингтон, естественно, отрицал эти обвинения, но данный эпизод говорил о том, что стереотипы времен «холодной войны» еще не изжиты и нормализация американо-кубинских взаимоотношений — дело будущего.

Дальнейшая политика администрации Б. Обамы, в которой тема демократизации стала вытеснять тему «вовлечения в диалог», лишь усилила подобное впечатление. Так, на переговорах по проблемам миграции, проходивших в феврале 2010 г. в Гаване, США потребовали от кубинской стороны обеспечить объявившего голодовку заключенного О.С. Тамайо всей необходимой медицинской помощью, а после его смерти обратились к кубинскому руководству с требованием немедленно освободить политических заключенных на Кубе. Масла в огонь подлили и репрессии кубинского правительства в отношении правозащитной организации «Las Damas de Blanco», которые заставили Б. Обаму выступить 24 марта 2010 г. с беспрецедентно жестким заявлением. Американский президент, в частности, сказал: «Эти события свидетельствуют о том, что кубинские власти вместо того, чтобы воспользоваться возможностью вступить в новую эру, продолжают встречать устремления кубинцев со сжатым кулаком. Сегодня я присоединяюсь к голосам смелых кубинцев и все более многочисленному хору мирового сообщества, которые призывают кубинское правительство немедленно освободить всех политических заключенных и начать уважать основные права человека» [30].

Говоря о «все более многочисленном хоре», Б. Обама имел в виду диалог с кубинскими властями по вопросу об освобождении политических заключенных, который был инициирован Ватиканом и Испанией после смерти О.С. Тамайо и к лету 2010 г. принес

реальные плоды. Гавана пообещала освободить 52 из 55 политических заключенных, арестованных в 2003 г. по обвинению в связях с «зарубежной державой». США, в принципе, не имели никакого отношения к достижению данного «прорыва», однако Вашингтон поспешил сделать ряд шагов «навстречу» Гаване.

Так, 2 июля 2010 г. комитет по сельскому хозяйству Палаты представителей Конгресса США 25 голосами против 20 одобрил внесенный председателем комитета К. Петерсоном (демократ, штат Миннесота) законопроект, который предусматривал отмену запрета на поездки граждан США на Кубу и упрощение экспорта американской сельхозпродукции на Остров Свободы. Кроме того, в середине августа в американских СМИ появилась информация о том, что администрация планирует ослабить ограничения на поездки научных, образовательных, религиозных и культурных делегаций на Кубу, введенные при администрации Дж. Буша-мл., и вернуться к политике «межличностного диалога», проводившейся администрацией У. Клинтона до 1996 г. Важно отметить, что для осуществления данного шага Белому дому не требовалось одобрение Конгресса. Однако подобные инициативы администрации не могли оказать сколько-нибудь существенного влияния на ситуацию — судьба эксперимента Б. Обамы на кубинском направлении определялась борьбой различных групп интересов на Капитолийском холме.

Учитывая, с каким незначительным перевесом голосов был одобрен законопроект Палатой представителей, стоит признать, что шансы на прохождение биллей об ослаблении санкций в отношении Кубы через Конгресс были изначально невелики. Чем меньше времени оставалось до промежуточных выборов, тем слабее было стремление конгрессменов рисковать голосами представителей многочисленной кубинской диаспоры, способных оказать влияние на исход голосования. В итоге законопроекты так и не были вынесены на голосование.

Оценка нынешнего состояния кубинского вопроса позволяет с большой долей уверенности говорить о том, что самый благоприятный момент для нормализации американо-кубинских отношений за последние два десятилетия упущен. Безусловно, «кубинская проблема» давно подчинена в США не стратегическим и даже не имиджевым внешнеполитическим императивам, а логике внутреннего противостояния различных лоббистских групп. Однако часть вины за отсутствие сколько-нибудь значимых прорывов на кубинском направлении должна быть возложена на администрацию Б. Обамы. Сосредоточив все усилия на формальном устранении наследия Дж. Буша-мл. в кубинской политике, Б. Обама оказался не в состоянии пойти дальше — отказаться от выставления

предварительных условий для начала диалога и продвижения идеи демократизации и защиты прав человека, которые он столь успешно «замалчивал», «перезагружая» взаимоотношения с другими государствами.

* * *

Подводя итоги анализа политики администрации Б. Обамы в отношении «государств-изгоев», хотелось бы прежде всего обозначить комплекс причин, которые обусловили выдвижение «вовлечения» в качестве принципа взаимодействия с «закрытыми режимами».

Начнем с причин, имевших объективный характер. Пожалуй, главной среди них было ухудшение геостратегической обстановки в мире, вызванное имплементацией неоконсерваторами «доктрины Буша» в Ираке. Свержение режима С. Хусейна не только не устрасило других «изгоев», но, напротив, привело к радикализации их поведения на международной арене и среди прочего — многократно усилило их стремление обезопасить себя от возможной агрессии со стороны США с помощью создания ядерного оружия. В этих условиях поиск новых, более гибких и тонких, путей принуждения «изгоев» к отказу от девиантного поведения обретал роль одного из важнейших стратегических приоритетов. Второй объективной причиной, требовавшей пересмотра принципов взаимодействия с «изгоями», было резкое сокращение возможностей для проведения агрессивной, наступательной политики в условиях финансового кризиса. Единственно правильной тактикой в этой ситуации был «переход в оборону» — проведение политики, направленной не на сознательную эскалацию международной напряженности и поиск поводов для войны, а на ее предотвращение средствами дипломатии.

Что касается субъективных причин, то к ним следует отнести, во-первых, личное желание Б. Обамы максимально дистанцироваться от своего предшественника и делегитимизировать его «наследие», а во-вторых — его искреннюю убежденность в том, что лидерство США должно осуществляться путем демонстрации примера, а не посредством силового доминирования и навязывания другим странам угодных Америке режимов. С точки зрения Б. Обамы, сохранить надежду на продление «американского века» можно было, только улучшив имидж США в мире, запятнанный неоконками, что, опять же, подразумевало перенесение акцента с силовых методов на дипломатические в отношениях с наиболее «проблемными» странами.

В результате сложения указанных объективных и субъективных факторов идея «вовлечения» «закрытых режимов» стала неотъемлемым компонентом концепции «обновления американского лидерства» и составила основу внешнеполитического курса администрации Б. Обамы. Поскольку изначально пересмотр принципов взаимодействия с «проблемными странами» имел не только стратегический, но и имиджевый компонент, Белый дом уделял огромное внимание риторике — выстраиванию дискурса, выбору терминов, образов и способов коммуникации с «закрытыми режимами». Отказ от употребления уничижительного термина «государство-изгой» и попытки найти для него подходящую замену, прямые видеообращения к Ирану, старательное избегание любых фраз, которые можно было бы расценить как вмешательство во внутренние дела, — все эти риторические приемы играли важную роль в создании впечатления того, что новая администрация осуществила радикальный разрыв с прошлым.

Во многих отношениях этот разрыв действительно выглядел как окончательный и бесповоротный. Политика администрации Б. Обамы в отношении «проблемных стран» отличалась от политики администрации Дж. Буша-мл. сразу по нескольким ключевым параметрам: 1) в ней полностью отсутствовал вектор «смены режимов»; 2) диалог был центральным элементом публичной дипломатии (по крайней мере, на начальных этапах взаимодействия). В то же время сложно было не заметить, что к идее «прямого диалога без предварительных условий», озвученной в ходе предвыборной кампании, Б. Обама больше не возвращался. Несмотря на неоднократные приглашения со стороны лидеров Ирана, Сирии и Кубы к тому, чтобы встретиться лично, Б. Обама предпочитал вести «прямой диалог» дистанционно. Отказ президента от выполнения в полном объеме одного из своих наиболее ярких предвыборных обещаний являл собой значимую победу прагматизма над идеализмом, к которой, несомненно, «приложили руку» более искушенные в международных делах члены ближайшего окружения Б. Обамы — Дж. Байден и Х. Клинтон.

Прагматизм подхода команды Б. Обамы проявлялся и в том, что политика «вовлечения» была дифференцированной и проводилась с учетом специфики конфликтного взаимодействия с каждым из «изгоев». Особенно показательным в этой связи выглядит различие между целями и задачами «вовлечения» Ирана и Сирии. Если в случае с Ираном «вовлечение» изначально было элементом двухвекторного подхода, тактикой, призванной повысить эффективность «сдерживания», то в случае с Сирией диалог был магистральной линией, стратегической установкой, нацеленной на ре-

шение комплекса задач, главной из которых было выведение Дамаска из-под влияния Тегерана. Различие в целях сказывалось и на продолжительности «вовлечения» — вектор публичной политики в отношении Ирана начал меняться в сторону «сдерживания» уже к осени 2009 г., тогда как на сирийском направлении смена вектора не произошла до сих пор.

Что касается результатов эксперимента Б. Обамы по использованию «вовлечения» «враждебных режимов» в диалог в качестве метода принуждения к отказу от девиантного (в понимании Вашингтона) поведения, то их следует признать более чем скромными. Ни на одном из рассмотренных нами направлений сближения позиций США с «закрытыми режимами» по ключевым вопросам не произошло.

Иран, например, с самого начала отверг те условия нормализации двусторонних отношений, которые поставил Вашингтон, и с момента прихода к власти администрации Б. Обамы тактика его поведения на международной арене не претерпела никаких значимых изменений. Но если вспомнить, что особых иллюзий относительно перспектив «вовлечения» ИРИ в диалог в Белом доме изначально не питали, а главной целью этой политики было повышение шансов на укрепление «периметра сдерживания» Ирана, то в этом смысле тактика «вовлечения» сработала — мобилизация широкой «антииранской коалиции» завершилась принятием самых жестких в истории СБ ООН санкций в отношении этой страны. Насколько значительным окажется их влияние, покажет только время, в настоящий же момент можно говорить лишь о том, что Иран продолжает движение в направлении «ядерного порога», его роль в регионе усиливается, а ситуация с соблюдением прав человека в стране, напротив, ухудшается.

Не принесла ровным счетом никаких дивидендов и политика «вовлечения» Сирии. Администрации Б. Обамы не удалось устранить ни одного компонента «сирийской проблемы». Напротив, делинквентное поведение Сирии на международной арене приобрело еще большие масштабы, нежели при администрации Дж. Буша-мл. Дамаск резко усилил поддержку «Хезболлы» и вмешательство во внутренние дела Ливана; отказался предпринять сколько-нибудь значимые усилия для пресечения использования территории Сирии джихадистами, участвующими в иракском конфликте, несмотря на все контакты с США по дипломатической и военной линиям; ситуация с ядерной программой Сирии до сих пор остается непрозрачной.

Не удалось приблизиться США и к достижению прорыва на кубинском направлении. Хотя оправданность требований, предъ-

являемых Вашингтоном к Гаване, вызывает наибольшие сомнения в международном сообществе, для нас главное, что эти требования удовлетворены не были. Процессы перехода к демократическому правлению на Кубе не ускорились, притеснения инакомыслия продолжаются.

Чем же объяснить провал эксперимента, предпринятого Б. Обамой, по «вовлечению» «закрытых режимов» в диалог? Поскольку речь идет о двустороннем взаимодействии, при ответе на этот вопрос необходимо принимать во внимание факторы, имеющие отношение как к субъекту (в данном случае — США), так и к объекту (в этой роли в статье выступают Иран, Сирия и Куба).

Говоря о первой группе факторов, хотелось бы прежде всего отметить явную диспропорцию между масштабом и характером тех целей, которые преследовала администрация Б. Обамы, начиная политику «вовлечения» в отношении каждого из указанных государств, и теми средствами, которые она использовала для их достижения. По большому счету, Белый дом не озвучил никакого четкого плана нормализации двусторонних взаимоотношений или комплекса уступок, на которые он готов будет пойти в обмен на отказ того или иного «враждебного государства» от девиантного поведения. Это касалось не только Ирана и Кубы, с которыми у США нет дипломатических отношений и диалог с которыми ведется дистанционно, но и Сирии, степень интенсивности дипломатических контактов с которой в первые полтора года правления администрации Б. Обамы была поистине запредельной. Отсутствие прогресса на сирийском направлении вполне однозначно говорит о том, что некоей «дорожной карты» — пошагового плана взаимных уступок — озвучено не было, а стимулы, предложенные Вашингтоном, оказались режиму Б. Асада слишком незначительными.

Не хватало администрации Б. Обамы и «убедительности» в донесении непротиворечивых сигналов до Тегерана, Дамаска и Гаваны. Это было обусловлено как отсутствием консенсуса внутри самой администрации, так и объективными ограничениями, связанными со спецификой американской политической системы, в которой позиция законодателей на Капитолийском холме нередко становится препятствием для реализации тех или иных внешнеполитических инициатив Белого дома. В этом отношении можно вполне однозначно говорить о том, что Конгресс, многие члены которого приравнивали политику «вовлечения» к «умиротворению диктаторов», сыграл негативную роль на всех трех рассмотренных направлениях.

Именно Конгресс стал инициатором принятия ряда одиозных резолюций и законопроектов по «иранской проблеме», фактически граничивших с вмешательством во внутренние дела ИРИ. Конгресс блокировал назначение нового посла в Сирии. Наконец, именно позиция американских законодателей до сих пор является камнем преткновения на пути нормализации американо-кубинских отношений, которая может начаться только после отмены эмбарго. Позиции законодательной и исполнительной власти по вопросу о взаимодействии с «враждебными режимами» подчас противоречат друг другу, что отнюдь не способствует формированию благоприятного климата для налаживания диалога с Тегераном, Дамаском и Гаваной. В этой связи особенно большое значение приобретает изменение расстановки сил в Конгрессе по итогам промежуточных выборов. Усиление позиций республиканцев говорит о том, что разрыв между Белым домом и Капитолийским холмом будет только увеличиваться, затрудняя восприятие позитивных сигналов от администрации в странах, являющихся объектами «вовлечения».

Между тем специфику этого восприятия необходимо также принимать в расчет при анализе эффективности политики «вовлечения», равно как и другие факторы, влияющие на логику поведения самих «закрытых режимов». Главные их задачи — удержание власти и поддержание легитимности. Антиамериканизм для всех трех режимов является важнейшей опорой. Если говорить об Иране и Сирии, то эту функцию выполняют и другие факторы, такие как укрепление роли в регионе или антисионизм. Подавляющее большинство простых иранцев, независимо от их политических убеждений, хотят, чтобы их страна стала ядерной державой, большинство сирийцев убеждены в том, что Ливан является частью «Большой Сирии», и все эти факторы существенно осложняют процесс «вовлечения» на тех условиях, которые предлагает Вашингтон. Важно и другое. Лидеры этих стран — Б. Асад, М. Ахмадинежад, не говоря уже о братьях Кастро — являются более опытными политиками, чем Б. Обама. Они прекрасно чувствуют международно-политическую конъюнктуру и умеют извлекать максимум дивидендов из открывающихся возможностей. По нашему мнению, все они почувствовали, что администрация Б. Обамы не заинтересована в эскалации конфликта, поэтому можно ограничиваться созданием видимости поддержания диалога, продолжая тем временем решать наиболее приоритетные на текущий момент задачи, будь то развитие ядерной программы, усиление роли в регионе или консолидация режима.

Какими бы причинами ни объяснялись неубедительные результаты политики США по «вовлечению» в диалог «закрытых режимов» в 2009—2010 гг., факт остается фактом: «разгрузить» и без того перегруженную внешнеполитическую повестку дня с помощью этой стратегии за первую половину президентского срока Б. Обаме не удалось. Более того, на вторую половину дистанции президент выходит, уже не имея той «форы», которую он получил в момент прихода к власти как новоизбранный глава Белого дома, выразивший желание искоренять «одиозное» наследие неоконов. Это делает задачу по обращению вспять неблагоприятных тенденций, обозначившихся в отношениях США с «враждебными режимами» к началу нового десятилетия, еще более сложной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Abrams E.* Obama Talks, Syria Mocks. The Wages of Appeasement // The Weekly Standard, March 25, 2010.
2. *Addis C.L.* Iran's 2009 Presidential Elections. CRS report for Congress, R40653, July 6, 2009. Washington, D.C.: Congressional Research Service, 2009.
3. Cable 09BRUSSELS536, IRAN SANCTIONS: AA/S GLASER BRIEFS EU ON PRIORITY [Electronic resource] // WikiLeaks [copy]. URL: <http://213.251.145.96/cable/2009/04/09BRUSSELS536.html> (дата обращения: 07.12.2010).
4. Cuban Official: Obama's an «Arrogant» Liar [Electronic resource] // CBS News [Official website]. URL: <http://www.cbsnews.com/stories/2009/12/21/politics/main6007066.shtml> (дата обращения: 07.08.2010).
5. Engaging Syria? U.S. Constraints and Opportunities. Middle East Report № 83 — 11 February 2009. Brussels: International Crisis Group, 2009.
6. Fidel Castro Says US Plotting Against Latin America [Electronic resource] // BBC [Official website]. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/8413275.stm> (дата обращения: 07.08.2010).
7. *Gould J.E., Gaouette N.* Obama Said to Consider Easing Educational Travel to Cuba, 7 August 2010 [Electronic resource] // Bloomberg. URL: <http://www.bloomberg.com/news/2010-08-07/obama-said-to-consider-easing-embargo-on-u-s-educational-travel-to-cuba.html>. (дата обращения: 07.08.2010).
8. *Hinnebusch R.* Syrian Foreign Policy and the United States: From Bush to Obama. Fife, Scotland: University of St Andrews Centre for Syrian Studies, 2010.
9. International Atomic Energy Agency. Implementation of the NPT Safeguards Agreement in the Syrian Arab Republic, Report by Director-General to Board of Governors, GOV/2010/11, February 18, 2010 [Electronic resource] // IAEA [Official website]. URL: http://www.isis-online.org/uploads/isisreports/documents/IAEA_Report_Syria_18Feb2010.pdf (дата обращения: 07.08.2010).
10. Iran's Supreme Leader Says Obama Address Offers No Real Change. 21 March 2009 [Electronic resource] // Radio Free Europe. URL: <http://www>

- rferl.org/content/Irans_Supreme_leader_Says_Obama_Address_Offers_no_Real_Change/1514282.html (дата обращения: 17.08.2010).
11. *Katzman K.* Iran Sanctions. CRS Report for Congress, RS20871. Updated 9 November 2010. Washington, D.C.: Congressional Research Service, 2010.
  12. *Katzman K.* Iran: U.S. Concerns and Policy Responses. CRS Report for Congress, RL32048. Updated 26 October, 2010. Washington, D.C.: Congressional Research Service, 2010.
  13. *Lister T.* WikiLeaks: Syria Accused of Supplying SCUD Missiles to Hezbollah. CNN, 6 December 2010 [Electronic resource] // CNN. URL: http://articles.cnn.com/2010-12-06/world/us.wikileaks.syria_1_hezbollah-damascus-ballistic-missiles?_s=PM:WORLD (дата обращения: 07.12.2010).
  14. *Maloney S.* Sanctioning Iran: If Only It Were so Simple // Washington Quarterly. 2010. Vol. 33. № 1. P. 131—148.
  15. *Maloney S., Takeyh R.* Pathway to Coexistence: A New U.S. Policy toward Iran // Haass R.N., Indyk M., Biddle S.D. Restoring the Balance: A Middle East Strategy for the Next President. Washington, D.C: Brookings Institution Press, 2008. P. 59—91.
  16. Obama Reaches Out to Muslim World. 27 January 2009 [Electronic resource] // BBC Online [Official website]. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/middle_east/7852650.stm (дата обращения: 17.08.2010).
  17. *O'Sullivan M.L.* Iran and the Great Sanctions Debate // Washington Quarterly. 2010. № 4. P. 7—21.
  18. *Pollack K.M.* Which Path to Persia? Options for a New American Strategy Toward Iran. Washington, D.C: Brookings Institution Press, 2009.
  19. President Obama's Interview with CNBC's John Harwood on Iran (Excerpt), 16 June 2009 [Electronic resource] // America.gov [Web portal]. URL: <http://www.america.gov/st/texttrans-english/2009/June/20090618173202eafas0.183636.html> (дата обращения: 17.08.2010).
  20. Remarks by the President Obama at Signing of the Iran Sanctions Act, July 1, 2009 [Electronic resource] // The White House [Official Website]. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-signing-iran-sanctions-act> (дата обращения: 27.09.2010).
  21. Remarks by the President at the Summit of the Americas opening Ceremony. 17 April, 2009. [Electronic resource] // The White House [Official website]. URL: http://www.whitehouse.gov/the_press_office/Remarks-by-the-President-at-the-Summit-of-the-Americas-Opening-Ceremony/ (дата обращения: 23.08.2010).
  22. Remarks of President Obama in Celebration of Nowruz, 20 March 2009 [Electronic resource] // The White House [Official Website]. URL: http://www.whitehouse.gov/the_press_office/VIDEOTAPED-REMARKS-BY-THE-PRESIDENT-IN-CELEBRATION-OF-NOWRUZ/ (дата обращения: 27.09.2010).
  23. Remarks of President Obama Marking Nowruz, 20 March 2010 [Electronic resource] // The White House [Official website]. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-president-obama-marking-nowruz> (дата обращения: 07.08.2010).

24. Remarks by the President Obama on a New Beginning, Cairo, Egypt, 4 June 2009 [Electronic resource] // The White House [Official website]. URL: http://www.whitehouse.gov/the_press_office/Remarks-by-the-President-at-Cairo-University-6-04-09/ (дата обращения: 19.08.2010).

25. *Sadjadpour K.* Iran: Is Productive Engagement Possible? Foreign Policy for the Next President. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, October 2008.

26. *Sharp J.M.* Syria: Background and U.S. Relations. CRS Report for Congress, RL33487. Updated April 26, 2010. Washington, D.C.: Congressional Research Service, 2010.

27. Statement by Ambassador Susan E. Rice, U.S. Permanent Representative to the United Nations, after Security Council Consultations on Resolution 1559. October 28, 2010 [Electronic resource] // U.S. Mission to the UN [Official website]. URL: <http://usun.state.gov/briefing/statements/2010/150111.htm> (дата обращения: 19.12.2010).

28. Statement by the President Obama on the Human Rights Situation in Cuba. March 24, 2010. [Electronic resource] // The White House [Official website]. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/statement-president-human-rights-situation-cuba> (дата обращения: 19.08.2010).

29. Statement from the President Obama on Iran, 20 June 2009 [Electronic resource] // The White House [Official website]. URL: http://www.whitehouse.gov/the_press_office/Statement-from-the-President-on-Iran/ (дата обращения 23.09.2010).

30. *Sullivan M.* Cuba: Issues for the 111th Congress. CRS Report for Congress, R40193. Updated 3 September, 2010. Washington, D.C.: Congressional Research Service, 2010.

31. Syrian Leader Invites Obama to Visit, Raising Hope of Policy Shift // The New York Times, 4 July 2009.

32. Transcript of Interview with Obama, 16 June 2010 [Electronic resource] // CNBC [Official website]. URL: http://www.cnbc.com/id/31393724/Transcript_Obama_On_The_Еconomy_Iran (дата обращения 23.09.2010).

33. U.S. Blacklists Iran Military Leaders, 21 Firms // The Wall Street Journal, 4 August 2009.

34. U.S. Congress, Senate Committee on Foreign Relations, Statement of Robert Ford, Ambassador, Syrian Arab Republic, Ambassadorial Nomination, 111th Congress, 2nd Session, March 16, 2010. Washington: U.S. G.P.O, 2010.

35. U.S. Congress, Policy toward the Islamic Republic of Iran. Hearing before the Committee on Armed Services. U.S. Senate, 111th Congress, 2nd Session, April 14, 2010. Washington: U.S. G.P.O, 2010.

36. U.S. Congress, Neither Appeasement nor Improvement?: Prospects for U.S. Engagement with Syria: Hearing Before the Subcommittee on the Middle East and South Asia of the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives, 111th Congress, 2nd Session, April 21, 2010. Washington: U.S. G.P.O, 2010.

37. U.S. Department of State Office of the Spokesman Fact Sheet on Sanctions Targeting Iranian Human Rights Abusers. September 29, 2010.

39. U.S. — Iranian Engagement: The View from Tehran. Middle East briefing, № 28. Tehran, Iran: International Crisis Group, 2009.

39. U.S. Rules Bar Banks That Violate Iran Sanctions // The New York Times, 13 August 2009.

40. White House, Office of the Press Secretary. Fact Sheet: Reaching Out to the Cuban People. April 13, 2009 [Electronic resource] // The White House [Official website]. URL: http://www.whitehouse.gov/the_press_office/Fact-Sheet-Reaching-out-to-the-Cuban-people/ (дата обращения: 19.08.2010).

41. White House, Office of the Press Secretary. Fact Sheet on the New UN Security Council Sanctions on Iran. 9 July 2010 [Electronic resource] // The White House [Official website]. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/fact-sheet-new-un-security-council-sanctions-iran> (дата обращения: 17.08.2010).

42. White House, Office of the Press Secretary. Notice Continuing of the National Emergency with Respect to the Actions of the Government of Syria. 8 May 2009 [Electronic resource] // The White House [Official website]. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/continuation-message-congress-president-and-federal-register-notice-concerning-syri> (дата обращения: 18.10.2010).

43. White House, Office of the Press Secretary. Notice Continuing of the National Emergency with Respect to the Actions of the Government of Syria. 3 May 2010 [Electronic resource] // The White House [Official website]. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/notice-continuing-national-emergency-with-respect-syria> (дата обращения: 18.10.2010).

44. *Wright T.* Strategic Engagement's Track Record // Washington Quarterly. 2010. Vol. 33. № 3. P. 35—60.